

Марьяна Брай

КРЕПОСТНАЯ

Бытовое фэнтези

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Б87

Б87 **Брай М.**
Крепостная: Бытовое фэнтези / Марьяна Брай – М.: Литнет, 2025. – 286 с.

ISBN 978-5-521-93087-6

Надюша не любила деревню, мужа - пьяницу, и свою жизнь, в которой не была себе хозяйкой. Обдумав, она уехала в город, который подарил ей профессию, друзей. А к старости судьба подкинула подарок - очнуться в теле молодой девушки. Только вот, крепостной! Пусть и не Чернушка, а помощница у барыни. Да и тут жизнь не сахар. А как отменили крепостное, так и вовсе за голову взялась: куда идти, как жизнь свою устроить? А тут и барыня преставилась, черти её возьми, в неподходящий момент. И барин - подкаблучник "мышей не ловит". А сынок их - великовозрастной балбес и мот. Вот такие вот дела. Бытовое фэнтези. Вынужденный, но любопытный брак. Хэппи энд и петушки на палочках!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93087-6

© Литнет, 2025
© М. Брай, 2025

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	42
Глава 11	47
Глава 12	51
Глава 13	56
Глава 14	61
Глава 15	65
Глава 16	69
Глава 17	73
Глава 18	78
Глава 19	84
Глава 20	88
Глава 21	93
Глава 22	97
Глава 23	104
Глава 24	108
Глава 25	114
Глава 26	118
Глава 27	123
Глава 28	127
Глава 29	131
Глава 30	135
Глава 31	140
Глава 32	144
Глава 33	150

Глава 34.....	156
Глава 35.....	161
Глава 36.....	166
Глава 37.....	170
Глава 38.....	176
Глава 39.....	181
Глава 40.....	185
Глава 41.....	189
Глава 42.....	193
Глава 43.....	197
Глава 44.....	201
Глава 45.....	206
Глава 46.....	210
Глава 47.....	214
Глава 48.....	218
Глава 49.....	223
Глава 50.....	227
Глава 51.....	231
Глава 52.....	236
Глава 53.....	240
Глава 54.....	244
Глава 55.....	249
Глава 56.....	253
Глава 57.....	258
Глава 58.....	262
Глава 59.....	265
Глава 60.....	271
Глава 61.....	275
Эпилог.....	280

Глава 1

Деревню я невзлюбила с самого детства. Огороды, коровы, покосы, сеновалы с колючим сеном и речки с роем оводья. Хотя речки, наверно, были самым приятным воспоминанием: прозрачное дно, мальки, налетающие на пальцы, если замереть, свежесть от воды для разгоряченного зноем и работой тела.

Я выросла в деревне. Нет, не в поселке и даже не в селе. Это была самая настоящая деревня, от которой до города можно было доехать если дорогу не размыло или тракторист не запил и почистил-таки снег, наваливший за ночь.

Шутку про две детские мечты, в которых: «чтоб зимой стгорела школа, а летом сдохла корова» я прочувствовала на своей шкуре. Как-то раз, во время сбора противного колорадского жука я даже размышляла, сколько надо солярки, чтобы залить весь огород и поджечь. А дед после такого вопроса стал внимательнее присматривать за своим гаражом.

Летнее утро в моем случае начиналось не с картинной занавесочки и открытого окна, за которым простирается зеленая поляна, переходящая в живописную реку. Не с кричащих петухов и бабушки, зовущей есть блинчики со сметаной. Не с миски земляники с молоком.

Как только начиналась страда, летнее утро начиналось в семь утра. Родители уезжали на покос, а нам с сестрами надо было подоить и выгнать на поле коров, потом убратсья дома, накормить кур, почистить пустой на день загон и щедро присыпать пол опилом. Потом по списку числилась стирка половиков на реке, готовка, а там и родители возвращались уставшие.

Мама особенно внимательно смотрела за тем, чтобы оставленный ею список дел был выполнен, и если все сходилось, мы шли гулять.

Две младших сестры жили играючи. Младше меня на пять и семь лет, они все воспринимали как игру. И мне тоже приходилось в ней участвовать, иначе помощников у меня не останется. То в дочки-матери, где я была дочкой чаще всего, потому что ни одна из них доч-

кой быть не хотела, то в войну, где нам надо было вывести коров из-под носа у немцев, чтобы накормить голодающих детей.

Когда мне стукнуло восемнадцать, я даже не заметила. Вышла замуж за того, кто позвал первым: ведь мать часто поговаривала, мол, позадираешь нос, останешься одна. А через год родила сыновей. Муж на радостях от своего участия в знаменательном событии пил три недели. С тех пор просыхал он крайне редко.

Работала я на почте и звалась Надей-почтальонкой. Ровно до того, как сестры поступили в институты. Обе! И тогда что-то в моей голове щёлкнуло.

«Значит, мне вот-вот будет двадцать пять. У меня двое детей, муж-пьяница, корова Ночка и тёлка Зорька, два хряка, петушок, десять кур и просранная юность?» – думала я, сидя под березкой на лавочке со старенькой бабой Лидой, которой принесла письма.

– Он парень-та у нас баско»й, не гляди что молодой да белёсай, а ведь мужик мужиком! – хвастливо тянула седая баба Лида. Я мотала головой, делая вид, что слушаю и соглашаюсь, и пила квас, который она всегда выносила, заведя меня у калитки.

Чего мне начали приходить такие мысли? Да просто сестры приехали на выходные и наперебой хвастались, как им в городе нравится, сколько там всего интересного. А я слушала их весь вечер, рот раззявив.

Муж Виталий работал токарем при колхозе. Как у нас так быстро с ним все сложилось, я не поняла: предложение делать пришел с отцом и братом. Говорил, что добрый, что семью любить будет, а знали мы с ним на то время всего ничего – пару недель, как из армии вернулся. На танцы сходили два раза, а потом провожал и как-то прижал к себе да поцеловал, словно печать шлёпнул. А тут вот тебе – сваты!

Мама моя была в нашем колхозе на хорошем счету, поскольку трудилась ветеринаром и дело свое знала. Пожили год с родителями, потому что комната наша с сестрами и так пустовала. А у него еще брат холостой дома. Виталя и правда был хорошим и добрым. Все за тестем, моим отцом повторял, во всем помогал. Вечерами чай гоняли, в лото играли, а утром все на работу. На выходных – ого-

род да скотина. А потом отец с матерью пришли с улыбкой вечером и объявили, что дом бабы Глани выкупили. То есть отдали деньги отцову брату за их долю, а бабушку к себе забирают. Значится, у нас теперь, как у настоящей ячeyки, свой дом. Плодитесь, мол, и размножайтесь.

Вот Виталия и сорвался с катушек, лишившись надзору. Сначала немного, потом по чуток, а через пару лет и вовсе... Сынишки в яслях, я на работе. А домой прихожу с ними, дела пока все переделаю: коров подою да накормлю, детей помою, его приводят грязного, лыка не вяжущего.

Я смотрела на свою жизнь, на жизнь людей вокруг и видела одно и то же. Все живут, и я живу.

А в тот день на той лавочке холодная от кваса кружка мне словно в голову дала.

– Баб Лид, а квасок-то у тебя не это... не загулял? – перебила я ее рассказ об очередном внуке.

– Чегой-то загулял, он поди не мужик, – хохотнула она и, взяв у меня кружку, допила остатки и пошамкала губами.

– Надьк, а ты-то чего сидишь, уши развесила? Это не квасок-ить. Это брага! – она округлила глаза и уставилась на меня.

– Ну и ладно, хорошая у тебя брага, баб Лид, – я встала, понимая, что в голове приятно зашумело, но будто бы просветлело. Стало как-то все понятно и просто. Дети любимые, муж – алкаш, скотина – ярмо!

Я пришла домой, несмотря на то что время было всего одиннадцать часов и до конца рабочего дня еще ого-го, разделась и в сорочке вышла в огород. Облилась водой из бочки, посмотрела в горизонт зацветающего картофельного поля и прошептала:

– А не пошло бы все к чертям!

И все пошло с того момента только так, как я выбрала: уволилась, разошлась с мужем, хотя тот бросил пить и так был отхлестан его личной матушкой, что в сторону родительского дома и смотреть боялся.

Но меня не тронули даже его слезы. Продала корову и телку, получив за них нормальные деньги, отодвинула свою мать, умо-

ляющую передумать, потому что «итог будет один – вернуться, а что тогда люди скажут?!».

Возвращаться я не собиралась. Через месяц после того «ква-ска» я ехала в кузове грузовика, который отец остановил на дороге. Я вышла из дома с коляской, навьюченной двумя огромными сумками и моими мальчишками пяти лет от роду. Отец мой тогда догнал меня и, пообещав не уговаривать, взялся помочь добрат-ся до места.

Ехала я в город. Ехала туда, где уже договорилась о работе в боль-нице. Пусть санитаркой, зато комнату дают и место сынишкам в саду. Отец сидел с пацанами в кабине, а я в кузове, и смотрела на удаляющиеся колхозные поля, речку, в которую прыгала с разбе-га, и крыши домов, над которыми зимой из труб поднимался паху-чий, тугой белый дым.

Город меня встретил как-то даже дружелюбно: соседки в общежи-тии – сотрудницы больницы и комбината. Кто замужем и с малыш-ней, как я. А кто-то уже в разводе. Коридор и кухня постоянно были забиты детьми. И кто чьих детей кормил, было не понять первые пару месяцев. Забегали в открытые двери, садились с моими сыно-вьями за стол, ужинали такой же жареной картошкой, как готови-ли их матери, убегали на улицу вместе с моими. Потом, когда отцы семейств заканчивали ужин, сами собирали всех со двора, а женщи-ны мыли грязных, но довольных пострелят в громыхающих тазах, готовили к садикам и школам на следующий день.

Как-то сложилось у меня все по-человечески, по-доброму и чест-ному со всеми и дома, и на работе. К матери ездила на выходных иногда, а летом привозила Мишу и Гришу помощниками. Дед любил внуков и говорил, что их ему послали за трех дочерей. Вот поэто-му сразу два и родились.

Виталья через два года женился второй раз и родил дочку. Жена была снова на сносях. Мама моя старалась о нем не говорить, а я и не спрашивала. Ошибка? Да! Зато у меня были дети.

Глава 2

В больнице, конечно, все знали, что я одна рошу детей. Помогали, кто чем мог: кто вещи от подросших детей принесет, кто лишнюю банку кильки, выхваченную в обед в очереди. А я пекла на общей кухне огромные деревенские пироги с мясом и картошкой, с капустой или рыбой на все именины и праздники.

Тут любой спросил бы о личной жизни. Но я не стремилась больше к браку, а просто к отношениям, как называли это мои подружки, и тем более. Узнай моя мать, что я здесь веду разгульный образ жизни, в час бы меня лишила материнства.

А если быть совсем честной, не была я красавицей, не заглядывались на меня. Смотрела на подтянутых светлоликих сестер, и еще больше мне бросались в глаза мои крупные ладони, лицо в пигментных пятнышках вокруг близко посаженных глаз. Да и фигурой Бог меня наделил небогато. Словно на мне отдохнул, а двум другим сестрам роздал все, что полагалось на троих. Невысокий рост, широкие плечи, короткие ноги и полное отсутствие талии.

Вера, замужня соседка, живущая через стенку с мужем и дочкой, стала мне хорошей подругой. Муж ее был заведующим отделением травматологии. Все прочили им скорое получение своей квартиры. Кто-то даже советовал скорее обзавестись вторым ребенком и желательно мальчиком, чтобы получить «трешку». А я боялась потерять Веру, если они уедут далеко.

Но мы не расстались с ней даже тогда, когда они уехали в новую квартиру. Не расстались через пять, десять и даже двадцать лет.

Муж ее, Борис Михайлович, был любим всеми медсестрами отделения за честность, трудолюбие и упорство. Не терпел лести и лжи, а хороших сотрудников поощрял и премией, и добрым словом, и советом.

– Надежда Васильевна, – как всегда полным именем обратился ко мне Борис Михайлович, когда я пришла по приглашению Веры в их новую квартиру на «входины»: так у нас называли новоселье.

– Может пора по имени просто зваться, – перебила мужа Верочка и приняла из моих рук щедро обмотанные бумагой настенные

часы, кои я с огромным трудом «достала», выстояв в километровой очереди.

— Лучше не надо, чтобы на работе не путаться, — Борис Михайлович проводил меня в комнату и, попросив жену обождать, продолжил: — Я вот что думаю... Вы ведь трудолюбивая, сильная, ответственная: порой чужую работу делаете. Надо нам ваше трудолюбие в хорошее русло пустить, Надя, — наконец, назвав меня одним именем, сказал он.

— И пустите, Борис Михалыч. Мне работа-то не страшна! Пацанов поднимать надо, да и, глядишь, родители постареют. Им тоже ведь нелегко. Мне сейчас любое дело с руки! — я не знала, что он хотел предложить, и осеклась, запереживав, что может он не о денежной выгоде вовсе, а просить чего хотел, а я ишь чего...

— Правильно. Я думаю, учиться вам надо... — он замолчал, заметив, как я округлила глаза. — Не бойтесь, ничего страшного я не предложу. На медсестру вы сможете, Надя. А еще, что самое главное, к нам пришел хороший массажист. Немолодой уже, слепой Лука Ильич. Он руками своими и видит, и чувствует. Чудеса творит такие, что людей поднимает после операций за пару недель массажа.

— Ой! Ну какая из меня медсестра, Борис Михалыч? Вы тоже скажете! — начала было я, понимая, что учеба отвлечет много времени от работы, а значит и дохода будет с фигушку.

— Нет- нет, не отказывайтесь. Это мой приказ. Я подам ваши документы, учиться будете, не отрываясь от работы. С утра учеба, с обеда работа. Вера с мальчиками поможет, коли надо. Пусть уроки к нам идут делать. А вечером, когда позвоните, что дома, я лично их могу до трамвая провожать.

— Надюша, не отказывайся, — очень тихо за моей спиной сказала Вера, — Я правда помогать буду! Чем могу и чем не могу. Потому что таких людей, как ты, один на миллион. И в дружбе, и на работе. Борис дело говорит. Ты же ценным кадром будешь. Старенький массажист не вечный. А людей лечить надо, — продолжила Вера. И я поняла, что они уже сговорились, и отказываться от такого просто нельзя.

— Хорошо, только мне подумать надо, с матерью посоветоваться, — ответила я, присев на край нового кресла.